

Страх перемен

Возникновение общественных противоречий – естественный результат развития, и, к сожалению, не всякое противоречие можно уладить переговорами, запретами или экономическими санкциями. Призывы: «давайте мирно договариваться», «надо сесть за стол переговоров» – звучат повсеместно, и они, конечно, симпатичны и разумны. Но удастся ли договориться, если одна из «договаривающихся сторон» заинтересована в продолжении угнетения или конфликта, это состояние устраивает её или если она имеет декларируемой или скрытой целью явное ущемление или даже уничтожение другой? А ведь именно таковы переговоры по множеству «замороженных» конфликтов: Карабах, Непал, Кипр, Восточная Украина, Палестина ...

Жизнь без различного рода межгосударственных войн и внутрисударственных насильственных событий – лишь обольстительная мечта, химера.

С точки зрения своевольной власти слово революция – страшный жупел. Она догадливо опасается, как бы недовольство своего народа не переросло в народное возмущение. Из страха перед свержением власть пускает вход всё: всевозможные ругательства и основанные на них законы, запрещающие общественную деятельность, а в России берётся в агитаторы ещё и Пушкин с его метким выражением, возникшим в связи с изучением восстания Пугачёва: «российский бунт, бессмысленный и беспощадный». Призывы к решительным переменам такая власть так уверенно обзывает беззаконием, как будто её своеволие, обычно чуть прикрытое флёром придуманных формальностей, законно. И вместе с тем самовластие мало что делает, чтобы люди, не находя иного пути, не взорвались насильем. Страх перемен и жестокое противодействие им как раз и ведут к ответному насилию того или иного вида: заговор, путч, переворот, мятеж, бунт, революция.

Прогресс (или регресс) в А-стране очень редко может произойти демократическим путём: как на него встать, если демократии-то и нет? Более того, если переход к как бы демократии, ура, уже провозглашён, то как она может воцариться действительно, если прежним властям удавалось воспрепятствовать и созданию общественных структур, способных к самоуправлению на местах и страной, и даже образованию того общественного слоя, успеху которого нужна именно демократия (как во Франции XVIII века так называемому третьему сословию)? Каким чудом такое общество обойдётся без хаоса и нового витка самовластия?

Как ни суди, решительные толчки европейскому прогрессу дала серия революций, отнюдь не бескровных, для многих современников – мучительных и для ещё большего числа наблюдателей – устрашающих.

Попутно. Придерживаюсь мнения, что, если не демократия, то необходима хотя бы сменяемость людей у власти. Пусть даже диктаторы, но разные! К сожалению, это утверждение не абсолютно: возникают и совершеннейшие мерзавцы.

Чтобы развитие не вылилось в кровопролитие, нужно бдительно стремиться не запереть естественное развитие общества, а приветствовать его и канализировать по мирному пути. Коль скоро искусственная задержка практически возможных перемен привела к насилию, оно часто оказывается очень кровопролитным (Россия 1917 года, современные Ливия и Сирия), но может обойтись и без жертв или почти без них.

Пример почти мирной, но ужасной революции в сравнительно демократической стране – события в Германии 1933 года, когда оболваненный и запуганный

штурмовиками и красными отрядами народ проголосовал за гитлеровцев и затем дружно поддержал их, а президент страны не нашёл ни доводов, ни сил воспрепятствовать передаче им власти, которая моментально стала террористической и агрессивной.

Сам факт катаклизма может ещё не завершить дело: в процессе развала Югославии и СССР и после, казалось бы, окончания развала забыли об обязательстве не посягать на чужое, и уже пролилось много крови.

Выпадает и счастье – совсем мирный переход власти от диктатора к оппонентам. Пример – конец власти Пиночета в Чили. Примеры мирной революции – Польша 1989 года, пример почти мирной – Украина 2014 года.

А совсем недавно пресса сообщила об удивительном событии: в тропической Африке, в Гамбии, почти поголовно мусульманской стране с населением меньше двух миллионов человек. Там проиграл выборы президент Яйя Джамме. Он в 1994 году удачно возглавил военный переворот против предыдущего президента, который правил почти 30 лет – с момента обретения страной независимости. После этого он переизбирался президентом три раза и в результате правил страной долгих 22 года, и правил, как сообщают, эксцентрично и далеко не безгрешно. Он сказал, что будет править «миллиард лет, если этого захочет Бог». И вот вдруг, несмотря на понятную специфичность проведённых выборов, президентом избран его оппонент. Время покажет, получит ли он президентскую власть в действительности и, если получит, не окажется ли он через чур подобным старому.

Попутно. В связи с Гамбией вспоминаются замечательные строки Н.А. Некрасова, обращённые к юному собеседнику по поводу только что построенной тогда железной дороги Петербург-Москва:

Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную,
Вынесет всё, что Господь ниспошлёт.
 Вынесет всё – и широкую, ясную
 Грудью дорогу проложит себе.
 Жаль только – жить в эту пору прекрасную
 Уж не придётся – ни мне, ни тебе.

Хочется отнести к народу Гамбии надежду, предшествующую последним двум строкам, и на этом остановиться, но как тяжелы эти две строки! Печальный прогноз Некрасова сбился с лихвой: с тех пор прошло уже больше полутора веков, а широкая, ясная дорога только туманно маячит где-то впереди. Пожелаем же народу Гамбии лучшей доли!

28.12.2016
04.08.2018